

ЧАЙЛЬДЪ-ГАРОЛЬДЪ.

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ПЪСНЯХЪ

БАЙРОНА

ПЪСНЬ ТРЕТЬЯ.

«Afin que cette application vous forçat de penser à autre chose; il n'y a en vérité de remède que celui là et le temps».

(Lettre du Roi de Prusse à D'Alembert, Sept. 7. 1776.)

I.

Мое дитя, малютка Ада,
Я не забылъ твои черты!
Улыбкой дѣвственнаго взгляда
На мать свою похожа-ль ты?
Когда съ тобой мы разставались,
Твои прекрасные глаза
Съ надеждой дѣтской улыбались
И не сверкала въ нихъ слеза...

И вотъ опять я вижу море,
 Вокругъ меня шумить волна,
 Я мчусь. Гдѣ жъ пристань? Не видна.
 Но я смотрю впередъ безъ горя,
 Слѣдя, какъ рядъ родимыхъ скалъ
 Въ дали туманной утопалъ.

II

Я снова въ морѣ. Мимо, мимо,
 Какъ кони, прыгаютъ валы...
 Привѣтъ вамъ, волны! Несдержимо
 Бѣгите въ даль вечерней мглы.
 Пусть мачты въ бури заскрипѣли,
 Изорванъ парусъ... труденъ путь,
 Я понесусь впередъ безъ цѣли,
 Я долженъ плыть куда нибудь.
 Я, какъ и поросли морскія,
 Лечу капризно по волнамъ —
 Куда? за чѣмъ? Не знаю самъ, —
 Пока волнами на пееки я,
 Разбитый бурей пловецъ,
 Не буду брошенъ наконецъ.

III.

Въ дни юности въ своей поэмѣ
 Я мрачный образъ воспѣвалъ.
 Вернемся жъ вновь къ забытой темѣ.
 Въ рассказѣ томъ я испыталъ
 Слѣды упорнаго мышленья
 И роковыхъ, изсякшихъ слезъ,
 Которыхъ много пролилось
 Тамъ, на могилѣ разрушенья.
 Засохли слезы; навади
 Стоять безъ солнца, безъ свѣтъни

Года бесплодные; въ груди,
 Какъ посреди нѣмой пустыни,
 Гдѣ зарождается тоска,
 Нѣтъ ни единого цветка.

IV.

Отъ юныхъ лѣтъ чужой для міра,
 Теперь я, вѣрно, ужь не тотъ,
 И, можетъ статься, съ сердцемъ лира
 Въ ладу, какъ прежде, не живетъ.
 Но все жь я пѣть, какъ прежде, буду,
 Пусть въ звукахъ слезы будутъ, — пусть!
 Быть можетъ, въ пѣснь я забуду
 Тебя, карающая грусть.
 Быть можетъ, пѣсня дастъ забвенье,
 Прогонитъ темную мечту,
 Наполнитъ сердца пустоту
 И я, среди уединенья,
 Уставши чувствовать, любить,
 Могу о прошломъ позабыть.

V.

Кто одряхлѣлъ, въ міру скитаясь,
 Отъ долгихъ мукъ, но не отъ лѣтъ,
 Кто все встрѣчалъ не удивляясь,
 Кого не тѣшитъ славы слѣдъ,
 Любви плѣнительныя сѣти,
 Раздоръ, печали, тишина, —
 Тотъ, кѣмъ исчерпана на свѣтѣ
 Всей нашей жизни глубина,
 Лишь только тотъ пойметъ желанье
 Въ пустыню мыслью улетать,
 Гдѣ бь стали въ образахъ мелькать
 Большой фантазіи созданья:
 Они, чисты и хороши,
 Всегда живутъ на днѣ души.

VI.

То — жизнь иная; то — видѣнья,
 То — въ формы сжатыхъ мечты...
 Я самъ — не есть-ли сновидѣнье?
 Я самъ — ничто. А ты, а ты,
 Царица думъ моихъ, судьбою
 Со мной ты схожа! Я, незримъ,
 Слѣжу повсюду за тобою,
 Слиясь съ дыханіемъ твоимъ,
 Съ твоимъ рожденіемъ слиясь я;
 Съ однимъ желаньемъ и мольбой
 Могу лишь чувствовать съ тобой,
 Дрожа, волнуясь и пылая,
 Хотя былъ горекъ жизни путь,
 Хотя давно разбита грудь.

VII.

Довольно! Прежде слишкомъ много
 Я жилъ, страдать я много могъ,
 Пока сильна была тревога,
 Пока мой мозгъ не изнемогъ.
 Ужь въ сердцѣ нѣтъ огня былого
 И жизнь моя отравлена;
 Теперь ужъ поздно жить мнѣ снова:
 Намъ дважды радость не дана.
 Я ужъ не тотъ, хотя остались
 Еще во мнѣ запасы силъ,
 Которыхъ опытъ не скосилъ,
 Хотя уста не раскрывались,
 Чтобы хулу послать судьбѣ,
 Последнимъ мщеніемъ въ борьбѣ.

VIII.

Теперь прошло очарованье,
 На немъ положена печать...
 Начнемъ же старое сказанье,

Вернемся къ Чайлду мы опять,
 Къ тому, чье сердце такъ болѣло,
 Кто боль души не могъ смирить,
 Но время все-таки умѣло
 Его во многомъ измѣнить.
 Въ насъ мыль и силы умиряютъ
 Въ своемъ теченіи года:
 Лишь у краевъ своихъ всегда
 Бокалы пѣною сверкаютъ,
 А ихъ невидимое дно
 Стоитъ спокойно и темно.

IX.

Имъ кубокъ жизни былъ осушенъ,
 Его онъ снова наполнялъ,
 Но оставался равнодушенъ
 И лишь невидимо таскалъ
 Цѣпь на себѣ; она давила,
 Хоть не былъ слышенъ звонъ оковъ,
 Она, какъ игло, тяготила
 И не гремя подъ звукъ шаговъ.
 Онъ всюду былъ съ врагомъ незримымъ,
 И этотъ тайный, темный врагъ
 За нимъ слѣдилъ за шагомъ шагъ,
 И гнетомъ вѣчнымъ, нестерпимымъ,
 Куда бь ногой онъ не ступалъ,
 Жизнь одинокую смущалъ.

X.

Разочарованный, холодный,
 Воображалъ Гарольдъ, что могъ
 Опять среди толпы народной
 Бродить безъ скорби и тревогъ.
 Инымъ онъ думалъ въ міръ явиться,
 И если радость не придетъ,
 То ужъ печаль не возвратится
 И сердца въ немъ не шевельнетъ.
 Онъ думалъ посреди народа

Дать пищу хладному уму,
 Что нѣкогда дала ему
 Прекрасныхъ климатовъ природа,
 Когда не разъ съ высокихъ скалъ
 Цвѣтущій край онъ созерцалъ.

XI.

Кого жъ цвѣтокъ къ себѣ не манеть?
 Кто розу съ стебля не сорветъ?
 На щечку розовую взглянетъ
 Кто безъ любви и не пойметъ,
 Что сердце вовсе не старѣетъ
 Отъ лѣтъ и жизни никогда?
 Кто отъ лучей твоихъ не млѣетъ
 О, славы яркая звѣзда?
 Въ круговоротѣ жизни снова
 Гарольдъ, какъ всѣ, кружиться сталъ,
 Но на землѣ теперь искалъ
 Онъ счастья лучшаго, иного,
 За тѣмъ что въ юности оно
 Гарольду не было дано.

XII.

Увы! увѣрился онъ скоро,
 Что съ міромъ сблизиться не могъ,
 Не могъ поддакивать средь спора
 И называть добромъ порокъ.
 Въ своихъ движеньяхъ благородный,
 Умъ независимый, свободный
 Всѣмъ подчиняться не умѣлъ.
 Надмѣнный, лучше онъ хотѣлъ
 Нести свой жребій одинокій,
 Безмолвно жить въ себѣ самомъ,
 Чѣмъ предъ людьми ползти рабомъ,
 Какъ всѣ они, во тѣмъ глубокой,

Имъ покоряться, уступать
И общимъ воздухомъ дышать.

XIII.

Его друзьями были — скалы,
Отчизной — гордый океанъ;
Гдѣ небо ясное сверкало,
Гдѣ грѣло солнце теплыхъ странъ,
Тамъ онъ любилъ скитаться нынѣ,
Исполненъ страсти и огня.
Лѣса, пещеры и пустыни,
Напѣвы волнъ, сверканье дня —
Его друзьями только были,
И ихъ таинственный языкъ
Онъ понималъ лучше многихъ книгъ,
Которымъ въ юности учили,
И въ блескѣ тающихъ озеръ
Онъ забывалъ весь книжный вздоръ.

XIV.

Какъ магъ, слѣдилъ онъ за звѣздами,
Ихъ дивнымъ міромъ населялъ.
И шаръ земной съ его бѣдами
Предъ нимъ въ то время исчезалъ.
Когда бъ въ мечтахъ онъ жить остался —
То счастливъ былъ, — но, сынъ земли,
Онъ отъ земли не отрывался
И искра гаснула въ выли,
Та искра, что съ выси эфира
Насъ тянетъ прямо въ небеса
И въ нихъ сулитъ намъ чудеса,
Но дѣти праха, дѣти міра
Ее теряютъ каждый разъ:
Улыбки неба — не для насъ.

XV.

Но въ городахъ Гарольдъ скучаетъ,
Всегда нахмурено чело...

(Такъ дикій соколъ опускаетъ
 Свое разбитое крыло
 И просить воздуха и воли....)
 Тогда являлись въ немъ опять
 Странанья прежнія и боли.
 Какъ птица хочетъ разломать
 Рѣшотку кѣтки одинокой
 И клювъ свой разбиваетъ въ кровь,
 Такъ рвался Чайльдъ на волю вновь,
 На свѣтъ, на свѣтъ изъ тьмы глубокой,
 И сердце, поднимая грудь,
 Казалось, хочетъ вонъ прыгнуть.

XVI.

Гарольдъ, сживясь съ судьбой изгнанья,
 Себя скитальчеству обрекъ,
 Съ его душой сжились странанья,
 Онъ улыбаться даже могъ,
 Увѣрившись, что скорби, горе
 Его до гроба поведутъ....
 Какъ моряки въ открытомъ морѣ,
 Чтобъ быть смѣлвй, безумно пьютъ
 И смотреть съ хохотомъ, какъ судно
 Ихъ погружаетъ всѣхъ на дно,
 Такъ и Гарольдъ смотрѣлъ давно,
 Надъ всѣмъ смѣялся безразсудно
 И всюду, гдѣ бы ни бывалъ,
 Своей улыбки не скрывалъ.

XVII.

Но, стой здѣсь, трепетомъ объятый!
 Орелъ имперскій здѣсь сраженъ!
 За чѣмъ же нѣтъ тутъ славныхъ статуй
 И колоссальныхъ нѣтъ колоннъ?
 Ихъ нѣтъ! Но истина осталась,
 И это поле не умретъ,
 Гдѣ столько крови проливалось.
 Къ чему жъ привелъ кровавый плодъ?

Какое счастье для міра
 Равнина эта принесла?
 Гдѣ лавры гордаго чела?
 Побѣда! Гдѣ твоя порфира?
 Гдѣ ты, создавшая царей
 Въ дыму пылавшихъ алтарей?

XVIII.

Гарольдъ стоитъ предъ гробомъ Галла,
 Среди кладбища Ватерло.
 Одной минуты здысь достало,
 Чтобъ развѣнчать одно чело.
 Надъ этою печальной нивой,
 Взрывая бѣшено песенъ,
 Упалъ орелъ властолюбивый
 И отъ ударовъ изнемогъ;
 Погибла власть съ громадной славой, —
 Герой раздавленъ былъ судьбой,
 И потащилъ онъ за собой
 Обрывки цѣпи той кровавой,
 Которой міръ онъ обвивалъ
 И въ рабствѣ націи держалъ.

XIX.

Правдивый судъ! Пусть Галль кусаетъ
 Свои стальныя удила
 И пѣной цѣпи покрываетъ, —
 Но гдѣ жъ свобода? Что дала
 Побѣда надъ однимъ владыкой?
 Иль снова рабство воскрешать,
 И вновь въ лохмотья наряжать
 Тотъ идолъ, нѣкогда великій?
 За тѣмъ ли свергнули мы льва,
 Чтобъ предъ волками преклоняться?
 Шептать ли робости слова
 И въ новомъ рабствѣ унижаться?

Нѣтъ, не гордитесь же пока
Побѣдой, лаврами вѣнка.

XX.

Погибъ деспотъ одинъ. Что жъ въ этомъ?
Напрасны слезы жонъ и вдовъ
По ихъ мужьямъ, давно отпѣтымъ,
Лежащимъ въ сумракъ гробовъ;
Напрасны битвы, разрушенье,
Ожовы рабства и стыда,
И всей Европы ополченье
Врага смирившей навсегда...
Та слава лишь не умираетъ
И будетъ жить въ устахъ страны,
Когда побѣдный мечъ войны
Вѣтвями мирта обвиваетъ,
Какъ мечъ Гармодія святой,
Подъятый имъ за край родной.

XXI.

Въ огняхъ Бельгійская столица.
Веселый праздникъ слышенъ тамъ;
Въ сверканьи люстръ мелькаютъ лица
Прекрасныхъ рыцарей и дамъ.
Пиръ оживленный разгорался...
Вотъ сладострастно грянулъ хоръ,
И страстью пылкой зажигался
Тамъ не одинъ склоненный взоръ.
И смѣхъ, и блескъ, и говоръ балльный,
Все дышетъ счастиемъ вокругъ...
Но, чу! откуда этотъ звукъ
Печальный, мрачный, погребальный?
Одни лишь звуки похоронъ
Напоминаетъ этотъ звонъ.

XXII.

Но, нѣтъ! То былъ, навѣрно, грохотъ
На площадяхъ отъ колесницъ...

Опять за пляску и за хохотъ!
 Пусть сонъ бѣжитъ отъ ясныхъ лицъ,
 Не навѣвая новой скуки!
 Пусть прочь бѣжитъ отъ нихъ тоска!
 Но, вотъ опять все тѣ же звуки!
 Имъ словно вторять облака,
 И эхо гуломъ повторяетъ.
 Вотъ звукъ все явственнѣй растетъ...
 Скорѣй къ оружію! Впередъ!
 Тотъ шумъ на битву насъ сзываетъ!
 Тотъ шумъ, смутившій всѣхъ кругомъ,
 Былъ раскаленныхъ пушекъ громъ.

XXIII.

Тамъ, у окна, въ тѣни скрываясь,
 Онъ, Брауншвейгъ властелинъ,
 Стоитъ и залпамъ содрогаясь,
 Смутился ими лишь одинъ.
 Хоть всѣмъ, въ веселыхъ разговорахъ,
 Смѣшонъ былъ страхъ его больной —
 Узналъ онъ залпы, отъ которыхъ
 Погибъ отецъ его родной,
 И возродилось втайнѣ мщенье
 И кровь рѣкою пролилась:
 За мечъ взялся онъ въ этотъ часъ
 И полетѣлъ въ разгаръ сраженья
 И, очутившись впереди,
 Палъ съ черной ранюю въ груди.

XXIV.

И вдругъ смятенье встало въ залѣ:—
 Моленья, трепетъ, капли слезъ...
 И щеки дѣвъ блѣднѣе стали
 И не алѣли краской розъ.
 Подкралась къ нимъ часы разлуки,
 Осталось счастье назади,
 Ломались трепетныя руки
 И сердце падало въ груди.
 Кто можетъ знать — сойдутся-ль снова
 И отшатнется-ль горе прочь?

Кто зналъ, что кончится такъ ночь,
 Что съ блескомъ утра роковаго
 Разстроится веселый пиръ
 И что война замѣнитъ миръ?..

XXV.

Вотъ въ попыхахъ коней сѣдлаютъ;
 Громъ колесницъ, оружья звонъ.
 И въ боевыхъ рядахъ мелькаетъ
 За эскадрономъ эскадронъ.
 Ночь гаснетъ въ облакахъ тумана,
 Рога призывные трубятъ,
 И звукъ тревожный барабана
 Зоветъ къ оружію солдатъ.
 Въ испугъ бѣдные граждане,
 Забывши свой покойный сонъ,
 Бѣгутъ толпой со всѣхъ сторонъ,
 Внимая грому новой брани,
 И шепчетъ съ ужасомъ народъ:
 Къ намъ врагъ идетъ! къ намъ врагъ идетъ!..

XXVI.

„Сборъ Камероновъ“ *) раздается.
 О, эта пѣсня, Лохіэль,
 Нерѣдко въ скалахъ здѣсь поется,
 Вѣрна ей горная свирель...
 Какъ въ темный вечеръ пѣсни звуки
 Рѣзки и дики! Тотъ напѣвъ
 Кладетъ оружье горцу въ руки
 И въ патріотъ будитъ гнѣвъ,
 Въ немъ храбрый предокъ воскресаетъ
 И въ тѣ минуты часто онъ,
 Тебя, Дональдъ и Камеронъ **),
 Въ порывѣ гордомъ воспоминаетъ
 И слава, спавшая вѣка,
 Для горца кажется близка.

*) Шотландская военная пѣсня.

**) Серъ Гвель Камеронъ и его пріемникъ Дональдъ, храбрый Лохіэль
 1745 года.

XXVII.

Лѣса Арденскіе роняютъ
 Росу средь зелени травы
 И, словно слезы проливаютъ —
 За гибель храбрыхъ. Да, увы!
 Какъ та трава они сомнутся,
 Лишь съ неба взглянетъ ночь опять,
 И эти травы разростутся
 Вокругъ могилъ, гдѣ лягутъ спать
 Они отъ вражьяго удара,
 И разстѣряютъ безъ слѣда
 Въ послѣдней битвѣ навсегда
 Запасы силъ, любви и жара,
 И кости ихъ въ землѣ уснутъ,
 Окоченѣютъ и сгніютъ.

XXVIII.

Еще вчера всѣ были живы,
 Еще вчера ихъ тѣшилъ балъ,
 Но полночь шлетъ войны призывы,
 А утромъ бой ихъ ожидалъ.
 Явился день. Въ дыму сраженья
 Летаютъ ядра, воздухъ рвутъ,
 И нѣтъ ударамъ отраженья;
 На грудахъ груди вновь растутъ
 И въ мрачный, кровью обогранный,
 Покрытый трупами оврагъ
 Слетаютъ вмѣстѣ—другъ и врагъ,
 И конь и всадникъ утомленный,
 И прахъ вздымается, и дымъ
 Скользитъ надъ мертвымъ и живымъ.

XXIX.

Пусть лира лучшаго поэта
 Героевъ чтить, — лишь одному
 Я посылаю дань привѣта,
 Быть можетъ, частью потому,
 Что насъ вела одна дорога,
 Что я—былъ врагъ его отца,

Что имена героевъ много
 Даютъ вѣнковъ для ихъ пѣвца;
 А онъ—онъ былъ всегда героемъ
 И пуля жертвы не могла
 Почетнѣй выбрать, и свела,
 Промчавшись смертью передъ строемъ,
 Тебя въ могилу подъ курганъ:
 Ты, Гоуардъ погибъ отъ ранъ —

XXX.

И былъ оплаканъ всѣми. — Ты-ли
 Мои рыданья-бъ услышалъ?
 Когда же на твоей могилѣ
 Зеленый дугъ я увидалъ,
 Когда все жизнью улыбалось
 И въ полѣ зрѣлъ душистый плодъ,
 Когда весна вокругъ возрождалась
 И пѣлъ пернатый хороводъ,
 Тогда отъ свѣтлой той картины
 Я обращался съ думой къ тѣмъ,
 Кому весь миръ казался нѣмъ
 Съ минуты горестной кончины,
 Къ тѣмъ, для кого теперь весна
 Не зелена и не красна.

XXXI.

Я падшимъ отдаю сожалѣнье;
 Родня скорбитъ о нихъ давно,
 Но даже самага забвенья
 О нихъ ей небомъ недано;
 Героевъ трубный звукъ подниметь,
 Труба архангела одна,
 А слава? слава быстро минеть,
 Расскажетъ намъ ихъ имена,
 Но не подниметь ихъ изъ гроба
 И не волеетъ въ ихъ жилы кровь,
 И въ насъ тогда проснутся вновь
 И сожалѣнїе, и злоба,
 Да вызоветъ изъ груди стонъ
 Рядъ дорогихъ, святыхъ именъ.

XXXII.

Сквозь слезы мѣръ, порой, смѣется.
 Такъ дерево сперва гнѣтъ,
 А послѣ рухнетъ; такъ несется
 Корабль безъ мачтъ по лону водъ,
 А послѣ въ морѣ погибаетъ;
 Такъ свѣтъ сквозь тучу видимъ мы;
 Такъ дверь тюрьмы переживаетъ
 Всѣхъ обитателей тюрьмы;
 Такъ годъ отъ году рассыпаясь,
 Еще все держится стѣна...
 И наша жизнь тому жъ вѣрна:
 Такъ, часто сердце разбиваясь,
 Еще живетъ у насъ въ груди
 И ищетъ жизни впереди.

XXXIII.

Въ разбитомъ зеркалѣ дробится
 Все то, что въ немъ отражено;
 Въ его обломкахъ отразится
 Хоть сотню разъ лицо одно.
 Такъ если сердце въ насъ разбито—
 Оно нескоро въ насъ умретъ,
 Ничто имъ въ прошломъ не забыто,
 Оно все помнить и живетъ,
 Живетъ безъ прежнихъ упованій,
 Смѣнивши свѣтъ на мракъ и тьму,
 Не повѣря никому
 Своихъ мучительныхъ страданій,
 И не бросаетъ этотъ свѣтъ
 До самыхъ позднихъ, позднихъ лѣтъ.

XXXIV.

Есть жизнь въ страданьи самомъ жгучемъ,
 Когда и ядъ ужь не мертвитъ.
 Такъ корнемъ сочнымъ и могучимъ
 Лѣсъ вѣтви мертвыя поитъ.
 Смерть не страшна,—но съ шуткой злою
 Жизнь сторожитъ насъ, шлепъ бѣды.

Такъ Моря Мертваго плоды
 Вдругъ разсыпаются золою,
 Когда сорвутъ ихъ. Если бь намъ
 Пришлось жизнь мѣрить по часамъ
 Хорошихъ радостей, то въ свѣтѣ
 (Кто разрѣшитъ вопросы эти?)
 Возможно-ль было или нѣтъ
 Жить до шестидесяти лѣтъ?

XXXV.

Давно означенъ былъ пророкомъ
 Срокъ нашихъ лѣтъ и ихъ число,
 Но этимъ слишкомъ долгимъ срокомъ
 Ты возмутилось, Ватерло.
 Чтобъ не тянулись эти годы,
 Людей давило ты, губя,
 И станутъ помнить всѣ народы
 Съ невольнымъ ужасомъ тебя.
 Не позабудутъ миллионы
 И дѣти ихъ такую рѣчь:
 «Здѣсь обнажили въ битвѣ мечъ
 Союзныхъ націй легіоны».
 Вотъ все, что въ памяти людей
 Останется на много дней.

XXXVI.

Здѣсь былъ великій, свѣтлый разумъ!
 Онъ ни предъ чѣмъ не отступалъ.
 Желалъ, спѣшилъ и тутъ же разомъ
 Труды и подвиги свершалъ.
 Въ своихъ стремленьяхъ несдержимый,
 Онъ этимъ самымъ былъ сраженъ,
 Иначе-бъ тотъ упавшій тронъ
 До-нынѣ былъ несокрушимый,
 Иль вовсе бь имъ онъ не владѣлъ...
 Своимъ величьемъ и паденьемъ
 Себѣ обязанъ ты! Хотѣлъ
 Ты мѣръ смутить своимъ явленьемъ,
 Вновь прежній скипетръ въ руки взять
 И, какъ Юпитеръ, поражать.

XXXVII.

Ты—побѣдитель побѣжденный.
 Весь міръ еще до-нынѣ нѣмъ,
 Тебѣ во слѣдъ глядитъ смущенный,
 Въ тѣ дни, когда ты сталъ ничѣмъ,
 Игрушкой счастья, жертвой жалкой...
 Давно-ли слава за тобой
 Слѣдила льстивою Весталкой,
 Гордилась славною судьбой.
 Пока смотрѣлъ ты полубогомъ,
 То отъ лучей твоихъ слѣпа
 Склонялась предъ тобой толпа
 Въ своемъ смиреніи убогомъ:
 Въ ея глазахъ ты въ этотъ срокъ
 Былъ, въ самомъ дѣлѣ, полубогъ.

XXXVIII.

Кто бъ ни былъ ты—безумецъ, гений —
 То императоръ, то капраль,
 Изъ царствъ надѣлалъ ты ступеней,
 Ты государства разгромлялъ
 И возрождать умѣлъ ихъ снова,
 Но только справиться не могъ
 Съ самимъ собой: вотъ твой порокъ.
 Въ себѣ стремленья роковаго
 Къ войнѣ смирить ты не умѣлъ,
 Ты новой бездны не измѣрилъ,
 Въ свою звѣзду и въ свой удѣлъ
 Съ самонадѣянностью вѣрилъ,
 Забывъ, что гордая судьба
 Не подчинится, какъ раба.

XXXIX.

Позоръ, паденье властелина
 Ты вынесъ съ силой мудреца,
 И эта гордость исполнена
 Враговъ дразнила до конца.
 Когда народъ кругомъ сбѣгался

Кошунствомъ встрѣтить твой позоръ —
 Ты хладнокровно улыбался:
 Такъ свѣтелъ былъ спокойный взоръ!
 Когда фортуна отвернулась,
 Тебя лишивъ своихъ даровъ,
 Ты оставался гордъ, суровъ;
 Спина героя не согнулась, —
 Въ несчастьѣ самомъ даже онъ
 Былъ прежнимъ блескомъ окружень.

XL.

Въ дни бѣдствій больше, чѣмъ въ дни счастья
 Ты былъ великъ. Тогда не зналъ
 Ты къ людямъ добраго участя
 И къ нимъ презрѣнья не скрывалъ.
 Ихъ знать нельзя не презирая,
 Но ты былъ тѣмъ лишь виноватъ,
 Что это чувство не скрывая,
 Его въ глаза бросать былъ радъ.
 И ты паденьемъ поплатился!..
 Къ чему же власть теперь? Къ чему
 Желать высокому уму,
 Чтобъ цѣлый міръ предъ нимъ склонился?
 Такое дѣло никогда
 Не стоитъ нашего труда.

XLI.

Когда бъ стоялъ ты одинокимъ,
 Какъ башня замка на скалѣ,
 Съ своимъ презрѣніемъ глубокимъ
 Ты могъ быть счастливъ на землѣ.
 Но тамъ, гдѣ мнѣнія народа
 Даетъ и власть, и тронъ даетъ —
 Оружіе такого рода
 Къ прямой гибели ведетъ.
 Взойдя на новую арену,
 Какъ сынъ Филиппа долженъ стать,
 Но людямъ всѣмъ не хохотать
 Въ глаза, подобно Діогену!

О, циникъ! помни до конца:
Земля — не бочка мудреца *).

XLII.

Покой инымъ — ужаснѣй ада.
Вотъ отчего сломился онъ.
Есть силы: душить ихъ преграда,
Они изъ граней рвутся вонъ.
Душевный пылъ зоветъ на дѣло,
Порывъ желаній несдержимъ
И пламя къ верху рвется смѣло
И все налить огнемъ своимъ.
Оно не гаснетъ отъ движенья,
Ему противенъ лишь покой,
И лихорадкою такой
Пьянѣетъ грудь до изступленья;
Она всѣ страсти дразнитъ въ насъ
И раздражаетъ каждый разъ.

XLIII.

Та лихорадка возрождаетъ
Безумцевъ, бардовъ, королей,
Она на битвы призываетъ
Вокругъ разбитыхъ алтарей;
Она творитъ людей движенья,
Въ которыхъ кровь живѣй бѣжитъ;
На ихъ дѣла, на ихъ стремленья
Толпа смѣясь, порой, глядитъ.
Что жъ за причины ихъ терзанья?
О, какъ бы были хороши
Хотя бъ одной такой души
Для насъ открытыя признанья:

---

*) Большая ошибка Наполеона, если наши историки справедливы, состояла въ томъ, что при всякомъ случаѣ онъ показывалъ свое презрѣнiе и пренебреженiе къ людямъ. Это оскорбляетъ часто самолюбiе болѣе, чѣмъ жестокость тиранiи. Говорятъ, что, возвратившись въ Парижъ послѣ уничтоженiя его армiи русской зимой, онъ, погирая руки, восклицалъ: „здѣсь лучше, чѣмъ въ Москвѣ“. Эта фраза, быть можетъ, оттолкнула отъ него болѣе сердець, чѣмъ всѣ неудачи, которыми онъ объяснялъ охлажденiе къ себѣ своихъ прежнихъ приверженцевъ.

Тогда бы всё мы, можетъ быть,
Не стали славу такъ любить.

XLIX.

Въ душѣ ихъ—буря; жизнь—волненье;
Хоть часто губить ихъ оно,
Но безъ борьбы, но безъ паденья
Имъ въ мѣрѣ жить не суждено.
Покой ихъ давить вѣчной скукой,
Имъ нужны: ненависть, вражда....
Такъ спалены борьбой и мукой
Они потухнутъ навсегда,
Какъ постепенно потухаетъ
Безъ дровъ оставленная печь,
Какъ безъ движенья павшій мечъ
Безславно ржавчиною съѣдаетъ:
Въ пыли забытый, онъ лежитъ
И никого ужъ не страшитъ.

XLV.

Кто видитъ, стоя на вершинѣ
Верхушки скалъ въ вѣнѣ снѣговъ,
Кто въ мѣрѣ сталъ всѣхъ выше нынѣ,
Тотъ всюду долженъ ждать враговъ.
Надъ нимъ—высоко солнце славы,
Земля отъ взоровъ—далека,
Кружомъ—на лѣво и на право
По льдинамъ вьются облака,
Да только бури, пѣсни ада,
Поютъ вокругъ гордаго чела...
И вотъ, что жизнь ему дала!
И вотъ пути его награда!
Къ чему жъ теперь достигнулъ ты
До недоступной высоты?...

XLVI.

Ахъ, нѣтъ! Мѣръ собственныхъ созданій
Или природы красоты
Избавятъ насъ отъ всѣхъ страданій.

О, Рейнъ! вѣдь это блещешь ты!
 Гарольдъ глядитъ! стирывались взорами
 Природы чудные дары,
 Поля съ зеленымъ ихъ просторомъ,
 Долинъ цвѣтушіе ковры,
 Плоды и кисти винограда;
 Пустые замки тамъ стоятъ
 И мрачно стѣны ихъ глядятъ
 Изъ изумрудныхъ листьевъ сада,
 И разрушенья духъ одинъ
 Тамъ поселился межъ руинъ.

XLVII.

Они стоятъ, какъ привидѣнья,
 Недвижно многіе вѣка;
 Въ нихъ слышно бурь, вѣтровъ шипѣнье,
 Ихъ гости — только облака.
 Въ нихъ прежде пѣсни раздавались
 И слышенъ былъ сраженій громъ,
 Надъ ними флаги развѣвались,
 Но спятъ бойцы могильнымъ сномъ
 Въ гробницахъ, въ саванахъ кровавыхъ;
 Лоскутья флаговъ стерлись въ прахъ
 И нѣтъ помину о пирахъ,
 И въ этихъ башняхъ величавыхъ,
 Гдѣ паутина ткеть узоръ,
 Уже враговъ не ждетъ отпоръ.

XLVIII.

Средь этихъ башенъ страсти жили,
 Въ нихъ обиталъ могучій духъ;
 Толпы разбойниковъ бродили,
 Для грабежей держали слугъ;
 Могучіе, во время оно
 Сражали вдругъ враговъ своихъ...
 Чего же, кромѣ лишь закона
 Не доставало славы ихъ?
 Лишь лѣтописца подкупнаго,
 Иль шире попріща для зла,
 Иль мавзолея росписнаго?..

Въ нихъ бились пламенно сердца,
Жила въ нихъ пылкость хлабреца.

XLIX.

Средь феодальныхъ ихъ раздоровъ,
Погибло много громкихъ дѣлъ,
И звукъ любви, блескъ нѣжныхъ взоровъ
Проникнуть въ сердце ихъ умѣлъ;
Но пламя страсти дико было,
Влекло къ погромамъ и войнѣ
И ихъ неистовство любило
Купаться въ крови и винѣ.
Не разъ, влекомые любовью,
Повсюду смерть они несли,
Стирали башни прочь съ земли,
И Рейнъ окрашивался кровью
Во славу гордой красоты.
О, Рейнъ! чего не видѣлъ ты!

L.

О, славный Рейнъ! Своимъ разливомъ
Обогащаль ты берега...
Когда бъ по этимъ чуднымъ нивамъ
Врагъ не стремился на врага,
Ты былъ бы вѣченъ красотою:
Тогда бъ долина тихихъ водъ
Была, какъ неба новый сводъ,
На землю спавшій пеленою.
Чего же теперь не достаетъ
Тебѣ, чтобъ небомъ могъ казаться?
Чего душа здѣсь не найдетъ?
Забвенья Леты, можетъ стать ся.
Ея забвенья, вѣрно, мнѣ
Не отыскать на рейнскомъ днѣ.

LI.

Здѣсь битвы воздухъ потрясали,—
Они забыты навсегда,

Здѣсь берегъ трупы покрывали, —
 Отъ нихъ не видно и слѣда.
 Могилы самыя протали,
 Военныхъ бурь прошла игра,
 И волны кровь съ земли смывали
 Едва пролитую вчера.
 Смѣясь глядится солнце въ волны,
 Въ твои прозрачныя струи,
 Лишь думы тайныя мои,
 Какъ и всегда, печали полны:
 Волнамъ сверкающей рѣки
 Не затопить моей тоски.

LII.

Такъ думалъ Чайльдъ. Но безъ вниманья
 Не могъ же относиться онъ
 Въ мѣстамъ, гдѣ самое изгнанье
 Идетъ для насъ, какъ сладкій сонъ.
 Хоть на челѣ его морщины
 Печатью опыта лежать,
 Но нѣтъ въ лицѣ былой кручины;
 Черты безстрастны, ясенъ взглядъ,
 Въ глазахъ веселье отражалось,
 Какъ свѣтъ мелькнувшій въ массѣ тучъ,
 И по лицу довольства лучъ
 Игралъ порою и, казалось,
 Въ немъ каждый новый чудный видъ
 Былую радость шевелить.

LIII.

Надъ нимъ любовь имѣла силу,
 Хотя порывъ страстей своихъ
 Въ себя онъ пряталъ, какъ въ могилу,
 Но могъ ли съ корнемъ вырвать ихъ?
 Нѣтъ, сердце требуетъ участья,
 Хоть мръ души и отравленъ,
 И не откажется отъ счастья:
 И точно также думалъ онъ.
 Всегда одно воспоминанье

Теперь въ груди его живетъ,
Его давно къ себѣ влечетъ
Одно прекрасное созданье,
И часто мысленно къ нему
Носится весело-ему.

LIV.

Любить онъ сильно научился,
И это странно было въ немъ...
Но отчего жъ онъ измѣнился,
Онъ, презиравшій все кругомъ,
Онъ, отвергавшій чувство смѣло?
Какъ вдругъ могла исчезнуть тьма?
Къ чему намъ знать?—не въ этомъ дѣло:
Важна тутъ истина сама.
Пусть для страстей людскихъ опасна
Всегда бываетъ тишина—
Его любовь была сильна,
Какъ чувстно первое—прекрасно,
Хотя, казалось, въ немъ давно
Все сердце было спалено.

LV.

Да, онъ любилъ одно созданье,
И связь, сильнѣй законныхъ узъ,
Связала ихъ: ей нѣтъ названья.
Быль чистъ и крѣпокъ ихъ союзъ.
Во всемъ далеки лицемѣрья,
Они не видѣли бѣды
Въ нападкахъ моднаго повѣрья
И не боялися вражды.
Ничто любви не угрожало,
И ей-то съ чуждыхъ береговъ
Мотивы тихихъ нѣжныхъ строевъ
Гарольду Муза напѣвала,
И повторяетъ онъ за ней
Слова мелодіи своей:

ПѢСНЯ.

1.

Замокъ *), нахмурясь надъ Рейномъ, склоняется,
 Рейнъ серебрястый ворчитъ,
 Грудь водяная его раздувается,
 Межъ берегами скользитъ.
 Тамъ виноградъ по садамъ разгостается...
 Нивы, холмы и лѣса...
 Тамъ города межъ долинъ рассыпаются,
 Кротко глядятъ небеса...
 Право, не пѣлъ бы я пѣсни унылыя,
 Счастье напрасно губя,
 Если бъ была ты со мной, моя милая,
 Если бъ я видѣлъ тебя.

2.

Голубоокія дѣвы встрѣчаются,
 Поступь—полна красоты;
 Такъ откровенно онѣ улыбаются
 И предлагаютъ цвѣты.
 Здѣсь—то колонна стоитъ феодальная,
 То наклонилась скала,
 Тамъ—виснегъ въ воздухѣ арка печальная,
 Словно паденья ждала.
 Вотъ и бесѣдка... О, вѣрно бъ здѣсь скоро я
 Могъ отдохнуть отъ потерь,—
 Жаль, что нѣтъ рѣки прекрасной, которая
 Сжала мнѣ руку теперь.

3.

Шлю я къ тебѣ эти лиліи блѣдныя.
 Въ день, какъ получишь ихъ ты,

*) Замокъ—Драхенфельсъ. Онъ находится на самой возвышенной вершкѣ „семи горъ“ на берегу Рейна; онъ представляетъ теперь кучу развалинъ и съ нимъ соединено множество странныхъ преданій. Это первый замокъ, попадающійся путнику, идущему отъ Бонна, но онъ лежитъ на противоположномъ берегу рѣки. Почти противъ него, черезъ рѣку, лежатъ развалины другаго замка, называемаго замкомъ Икка и стоитъ большой крестъ въ память одного изъ владѣльцевъ, убитаго своимъ братомъ и тамъ погребеннаго. Число замковъ и городовъ, лежащихъ на обоихъ берегахъ Рейна, огромно, и мѣстоположеніе ихъ необыкновенно живописно.

Б.

Будутъ измяты ихъ листики бѣдные
 И захлѣбютъ цвѣты.
 Все же на память инаго свиданія
 Лиліи тѣ сохрани,
 Брось иногда имъ хоть взоръ состраданія
 И обо мнѣ вспомяни.
 Будешь ты помнить, что гдѣ-то на Рейнѣ я
 Эти цвѣты собиралъ,
 вмѣстѣ съ цвѣтами къ тебѣ въ отдаленіе
 Думы свои посылалъ.

4.

Рейнъ горделиво бѣжитъ, извивается...
 Каждый хорошъ поворотъ:
 Тысячи видовъ кругомъ раскрываются
 Полныхъ волшебныхъ красотъ.
 Здѣсь забываю я гордость надмѣнную,
 Съ сердца отходитъ тоска...
 Можно кругомъ исходить всю вселенную—
 Краше въ ней нѣтъ уголка.
 Но эти виды мнѣ лучше бѣ казались,
 Ожило все бы вокругъ,
 Если бы взоры мои здѣсь встрѣчались
 вмѣстѣ съ твоими, мой другъ.

LVI.

Близъ Кобленца, въ одной равнинѣ
 Подъ пирамидою лежитъ
 Въ могилѣ прахъ героя нынѣ *).
 Марсо—нашъ врагъ, но есть-ли стыдъ
 Надъ этой раннею могилой
 Стоять въ слезахъ? Надъ ней не разъ
 Потоки слезъ съ любовной силой
 Струились изъ солдатскихъ глазъ.

---

*) Памятникъ молодого и всѣми оплакиваемаго генерала Марсо, убитого пулей при Альткиркенѣ, въ послѣдній день IV года французской революціи, существуетъ еще въ томъ же видѣ, какъ я описалъ его. Генералы и депутація отъ обѣихъ армій присутствовали на его похоронахъ; французы обожали его, враги его любили; какъ тѣ, такъ и другіе плакали надъ его гробомъ. Въ той же самой могилѣ похороненъ генералъ Гошъ (Hoché), человѣкъ храбрый въ полномъ смыслѣ слова.

Они съ завистливой тоскою
 Умѣли чтить героя прахъ;
 Онъ, презирая смерти страхъ,
 Вооруженною рукою
 Народъ французскій защищалъ
 И за его свободу палъ.

LVII.

Двѣ арміи о немъ рыдали
 И врагъ почтилъ его въ тиши;
 Молитвы странники шептали
 За упокой его души,
 Души безстрашной, благородной...
 Его забудеть-ли молва?
 Онъ, занять участію народной,
 Сталъ за народныя права,
 И умеръ за тебя, свобода,
 Героємъ онъ. Вотъ почему,
 На этотъ скромный гробъ ему,
 Несется въ даръ слеза народа,
 Вотъ отчего толпа, порой,
 Идетъ къ холму, гдѣ палъ герой.

LVIII.

Эренбрейтштейнъ! *) Твои руины
 Не тѣ, что въ прошлые года,
 Когда картечь, огонь и мины
 Не причиняли имъ вреда.
 Отъ взрывовъ стѣны почернѣли...
 О, тотъ ли ты, побѣдный валъ,
 Гдѣ битвы грозныя кипѣли
 И врагъ разбитый отступалъ.
 И миръ разрушилъ эти своды,
 Чего не сдѣлала война:
 Стоитъ въ развалинахъ стѣна

---

*) Эренбрейтштейнъ, т. е. „широкій камень чести“ — былъ одною изъ самыхъ сильныхъ крѣпостей Европы; его взорвали французы во время сдачи Леобена. Онъ могъ быть взятымъ измѣной или голодомъ и сдался отъ голода при нападеніи въ распахъ. Генераль Марсо долго осаждалъ его безъ успѣха.

Печальной жертвой непогоды,
Хоть былъ не страшень прежде ей
Весь ужасъ пушечныхъ огней.

LIX.

Прощай, мой Рейнъ! Съ невольнымъ стономъ
Уходитъ путникъ отъ тебя!
На берегу твоёмъ зеленомъ
Всѣ оживаютъ, жизнь любя;
И если бъ коршунъ влѣй сомнѣнья
Намъ втайнѣ сердца не сосалъ —
Ты бъ далъ намъ свѣтлыя мгновенья
И много радостей послалъ.
Твоя роскошная природа
Не весела и не мрачна,
Хотя дика, но не страшна;
Какъ осень ясная для года,
Въ сяннѣ зрѣлой красоты
Земля полезенъ былъ бы ты.

LX.

Еще прости! Къ чему жъ прощанье?
Тебѣ нельзя сказать: прости!
Нельзя безъ боли и страданья
Глазъ пораженныхъ отвести
Отъ мѣстъ, достойныхъ обожанья.
Быть можетъ много лучшихъ странъ,
Которымъ климатъ краше данъ,
Но гдѣ найдемъ то сочетанье
Разнообразной красоты?
И блескъ, и жизнь, и прелесть неба,
Лѣса, душистые цвѣты,
Поля златыхъ колосьевъ хлѣба,
И наконецъ, — когда хотять, —
Воспоминаній славныхъ рядъ.

LXI.

Величье вмѣстѣ съ простотою!
Овраги, стѣны городовъ,

Лѣса съ ихъ зеленью густою,
 Обломки стѣнъ, потоповъ рѣвъ,
 Тамъ зелень яркая, тамъ пашни—
 Все манитъ къ грезамъ и къ мечтѣ...
 Тамъ скалы дикія, какъ башни,
 Стоятъ въ суровой наготѣ.
 Довольство общее народа
 Вкругъ разлито: здѣсь такъ же онъ
 Всегда спокоенъ и силенъ,
 Какъ края этого природа,
 Хоть государство не одно
 Когда-то здѣсь погребено.

LXII.

Но предо мною альпы встали,—
 Природы вѣчные дворцы,—
 И облака отъ глазъ скрывали
 Вершинъ ихъ снѣжные вѣнцы,
 Откуда лавина спадаетъ,
 Какъ громъ, все руша впереди.
 Чтò духъ людей живить, смущаетъ—
 Все есть въ ихъ каменной груди;
 Они какъ будто тѣмъ гордятся,
 Что близко къ небу подошли,
 А люди—эта моль земли—
 Должны внизу ихъ пресмыкаться,
 Что до предѣловъ ихъ высотъ
 Никто изъ смертныхъ не дойдетъ.

LXIII.

Но прежде чѣмъ себѣ дозволю
 Вскочить на альпы—брошу взглядъ
 Патриотическому полю:
 Мнѣ отрывается Морать.
 Трофеи страшные! Здѣсь пали
 Бургундской арміи полки,
 Ихъ кости въ грудѣ набросали...
 Теперь по Стиксу, вдоль рѣки
 Непогребенныхъ бродятъ тѣни
 Въ безлунную, глухую ночь,

Не въ состояннѣ превозмочь
 Стенанья тайныя и пѣни:
 Лишь только въ небѣ день потухъ —
 Начнетъ рыдать тамъ каждый духъ *).

LXIV.

Какъ Ватерло и бой при Каннахъ
 Имѣютъ сходство, такъ Морать
 И Маратонъ вдвоемъ стоятъ.
 Великій бой! Въ твоихъ гражданахъ
 Тогда духъ братства говорилъ,
 Въ нихъ много было юныхъ силъ.
 Негодованіемъ объаты,
 Они дрались и шли на кликъ,
 Не какъ наемные солдаты,
 Не какъ рабы своихъ владыкъ.
 Они нигдѣ народныхъ стонувъ
 Ярмомъ чудовищныхъ законовъ
 Не возбуждали; произволь
 Межъ нихъ защиты не нашель.

LXV.

Мы предъ колонной посѣдѣлой;
 На ней видна печать годовъ.
 Какъ человѣкъ окаменѣлый
 Съ сознаньемъ тайнымъ, но безъ словъ
 Глядитъ кругомъ на все безсонно —
 Такъ ты смотрѣла здѣсь колонна,
 Ты, мертвый остовъ прошлыхъ лѣтъ!
 И удивляя цѣлый свѣтъ,
 Ты здѣсь стоишь не разрушаясь;
 Тебя не тронулъ жизни шумъ,
 Межъ тѣмъ здѣсь палъ Авентикумъ **),
 Въ своихъ обломкахъ разсыпаясь,

*) Капелла, бывшая на этомъ мѣстѣ, уничтожена, и пирамида костей значительно уменьшена бургонскимъ легиономъ, которому очень хотѣлось скрыть этотъ памятникъ не очень-то счастливыхъ нашествій своихъ предковъ. Но смотря на всѣ старанія бургонцевъ, костей еще осталось довольно. Б.

***) Авентикумъ, близъ Мората, былъ столицею Римской Гельвеціи. На томъ мѣстѣ теперь Аваншъ. Б.

Въ мѣстахъ, гдѣ прежде онъ царилъ
И гордой славою дивилъ.

LXVI.

И здѣсь, — какъ имя то священо! —
Ты, Юлія, тогда жила,
Отца любила неизмѣнно
И въ землю вмѣстѣ съ нимъ легла.
Ты за него въ слезахъ молила,
Но строги судьи, строгъ законъ,
И смерть съ отцомъ ты раздѣлила,
Смѣнила жизнь на вѣчный сонъ *).
Могила ихъ безъ украшеній
Стоитъ, вкушая тишину,
И прахъ одинъ и мысль одну
Хранить въ той урнѣ добрый геній,
Но монумента не найдетъ
Надъ той могилою народъ.

LXVII.

Но міръ ее не забываетъ,
Хотя бы годы шли и шли,
Хотя забвеніе стираетъ
Народы, царства прочь съ земли.
Все, что вчера шумѣло, жило,
То завтра смолкнетъ и умретъ,
Лишь добродѣтели свѣтило
Всѣ времена переживетъ,
Безсмертнымъ блескомъ поражая
Тебя, ничтожный человѣкъ!
Такъ на вершинахъ горныхъ снѣгъ,
Въ себѣ блескъ солнца отражая,
Всегда, зимою и весной,
Сверкаетъ яркой бѣлизной.

---

*) Юлія Альпинула, молодая жрица Авентикума, умерла, напрасно стараясь спасти жизнь своего отца, приговореннаго на смерть Ауломъ Цециномъ за предательство своего отечества.

LXVIII.

Всегда любилъ я тихій Леманъ.
 Въ него глядятся цѣпи горъ
 И звѣздъ небесныхъ чуткѣй хоръ...
 Тамъ хорошо! Но только тѣмъ онъ
 Нерѣдко мой покой смущалъ,
 Чтò я людей на немъ встрѣчалъ.
 Но скоро вновь придетъ отрада,
 Мечтамъ предаться я могу:
 Отъ человѣческаго стада
 Я безъ оглядки убѣгу.
 Судьбѣ я вдвое благодарнѣй,
 Когда, простясь съ людскою овчарней,
 Я одинокимъ остаюсь
 И отъ жилищъ всѣхъ сторонюсь.

LXIX.

Людей бѣгутъ не отъ презрѣнья.
 Не могутъ всѣ нести ихъ трудъ.
 Пусть мизантропомъ не зовутъ
 Того, кто, скрывъ души движенья,
 Не шелъ друзей искать въ народъ,
 Гдѣ за утратой ждетъ утрата,
 Гдѣ ранней жертвою разврата
 Мы гибнемъ тупо въ тьмѣ заботъ,
 Гдѣ наши силы изнуряемъ,
 О томъ жалѣемъ, что прошло,
 Гдѣ всюду платимъ зломъ за зло,
 Пошлѣемъ скоро и мельчаемъ,
 Приходимъ къ выводамъ такимъ,
 Что всѣ усилья наши—дымъ.

LXX.

Тамъ ждетъ насъ темное страданье,—
 Его ничѣмъ не превозмочь,—
 Тамъ превратится кровь въ рыданье,
 А впереди предстанетъ—ночь.
 Жизнь станетъ бѣгствомъ неизбѣжнымъ
 Для тѣхъ, кто ползаетъ во мглѣ;

Такъ въ морѣ, съ чувствомъ безнадежнымъ,
 Морякъ спѣшитъ на корабль
 Причалить къ берегу. Однако,
 Иной пловецъ въ волнахъ плыветъ,
 Не зная пристани, впередъ,
 Не опасаясь бурь и мрака:
 Онъ, съ ними сжившійся давно,
 Не броситъ явора на дно.

LXXI.

И такъ, не лучше-ль оставаться
 Вѣкъ одному, весь міръ забыть
 И синей Роной любоваться,
 На это озеро ходить,
 Которое ее вскормило,
 Какъ нѣжно любящая мать
 И поцѣлуями любила
 Ребенка крики заглушать?
 Не лучше-ль жить такъ во вселенной,
 Не проходя одной тропой
 Съ безумной, шумною толпой,
 Порою, какъ герой надмѣнный,
 Порой, въ цѣпяхъ усталыхъ ногъ?
 Не лучше-ль жить безъ тѣхъ тревогъ?

LXXII.

Я самъ — ничто; я — есть частица
 Того, что вижу лишь вокругъ;
 Со мной бесѣдуетъ денница,
 Мнѣ шепчутъ сказки горы, лугъ...
 Лишь пробуждаетъ содроганье
 Во мнѣ жизнь шумныхъ городовъ.
 Нѣтъ въ мірѣ злѣе наказанья,
 Какъ быть овцой людскихъ стадовъ,
 Тогда какъ духъ свободный рвется
 Къ сліянію съ небомъ, съ цѣпью горъ,
 Его влечетъ полей просторъ,
 Къ полочнымъ звѣздамъ онъ несется,
 И хочеть, — власти не дано, —
 Съ природой жить онъ за одно.

LXXIII.

Да, это зло людской судьбины.
 Смотрю я съ ужасомъ вокругъ
 На заселенныя равнины,
 Какъ на пріють скорбей и мукъ,
 Гдѣ я, за грѣхъ одной минуты
 Былъ на мученье осужденъ...
 Довольно! Прочь срываю путы!
 Теперь я снова окрыленъ,
 Теперь могучи снова крылья,
 Чтобъ противъ вѣтра мчаться въ путь,
 Чтобъ прахъ земли съ нихъ отряхнуть
 Безъ утомленья и усилья
 И долетѣть до облаковъ,
 Освободившись отъ оковъ.

LXXIV.

Когда же мысль освободится
 Отъ узъ земныхъ, что мысль гнететь,
 И въ жизни лучшей обновится,
 И плоть земли съ себя страхнетъ,
 И разомъ вырвется на волю,
 Отъ формы глиняной своей
 Оставивъ часть одну на долю
 Букашекъ, гадовъ и червей, —
 Тогда ужели даръ прозрѣнья
 Меня оставить? Я пойму
 Языкъ духовъ и неба тьму
 И мысли вѣчное движенье,
 И вѣчный духъ съ природой сливъ,
 Я не умру, я буду живъ.

LXXV.

Моря и горы, небо, рѣки!
 Самъ я не ихъ-ли только часть?
 Уже-ль во мнѣ, какъ въ человѣкѣ,
 Не велика въ природѣ страсть?
 Могу-ль смотрѣть безъ сожалѣнья
 На все, что сравниваютъ съ ней?

За это горькое презрѣнье
 Я къ людямъ чувствую сильнѣй,
 И лучше вынесу страданье,
 Чѣмъ предъ бездушною толпой
 Съ ея ничтожной суетой
 Открыто выскажу желанья
 И одинокія мечты
 Въ честь вѣчно юной красоты.

LXXVI.

Я поступаю очень дурно,
 Что свой рассказъ забылъ опять.
 Итакъ, всѣхъ любящихъ мечтать
 Прошу взглянуть сюда: вотъ урна.
 Въ ней прахъ того положенъ былъ,
 Чья жизнь была огонь и пыль,
 Того, кто родился въ странѣ той,
 Гдѣ я дышу теперь, согрѣтый
 Одной безумною мечтой—
 Быть солнцемъ славы колоссальной.
 Плывенный ложной суетой,
 Минутный гость земли печальной,
 Пока онъ чувствовалъ и жилъ,
 Все въ жертву славы приносилъ.

LXXVII.

Здѣсь прахъ Руссо. Пѣвецъ страданья,
 Страстямъ онъ прелесть придавалъ
 И доводилъ до обожанья
 Всѣ муки сердца. Онъ искалъ
 Въ безумьѣ — близость идеала;
 Всѣ мысли черныя, дѣла
 Блестящимъ свѣтомъ заливала
 Его софизмовъ похвала.
 Они мгновенно ослѣпляли,
 Какъ блескъ отъ солнечныхъ лучей,
 Такъ что нередко изъ очей
 Потоконъ слезы выбѣгали,
 И переполненная грудь
 Въ слезахъ хотѣла отдохнуть.

LXXVIII.

Въ любви онъ весь старалъ отъ страсти.
 (Такъ молнія мгновенно жгла,
 Колола дерево на части).
 Хотя любовь его влекла,
 Но не къ живымъ, прекраснымъ жонамъ,
 Онъ хладенъ былъ къ ихъ красотъ,
 Не къ мертвымъ, смертью пораженнымъ,
 Ожившимъ вновь въ его мечтъ;
 Но въ красотъ своей печальной,
 Воображеньемъ создана,
 Предъ нимъ являлася жена,—
 Какъ образъ чисто идеальный,
 И много жгучихъ ей страницъ
 Онъ посвятилъ, упавши ницъ.

LXXIX.

То чувство—Юлии прелестной
 Родило образъ, и оно жъ
 Дало намъ поцѣлуй извѣстный *),
 Губъ лихорадочную дрожь,
 Когда онъ бѣшенымъ движеньемъ
 Лобзанью дружбы отвѣчалъ,
 Спаленъ ея прикосновеньемъ,
 И бѣдный мозгъ его пылалъ.
 Да, въ чувствѣ томъ есть упоенье
 И много сладостныхъ минутъ,
 Въ которыхъ вѣрно не найдутъ
 Высокой страсти наслажденье
 Любовники позднѣйшихъ лѣтъ:
 Въ такой любви имъ счастья нѣтъ.

---

*) Это относится къ тому мѣсту въ „Признаніяхъ“ Жанъ-Жака Руссо, въ которомъ онъ говоритъ о своей страсти къ графини Удето (Houdetot), любовницѣ Сепъ Ламбера и о длинныхъ утреннихъ прогулкахъ съ нею, дѣлаемыхъ имъ для того, чтобы получать единственный поцѣлуй, которымъ она дарила его при прощаньѣ. Описание чувства, охватывавшаго его въ тѣ минуты, можетъ служить образцомъ самой страстной, хотя и цѣломудренной любви, какая только когда нибудь была выражена словами. Б.

LXXX.

Вся жизнь Руссо—была борьбою
 Лишь съ тѣми, кто его любилъ;
 Не въ силахъ властвовать собою,
 Друзей онъ злобно поносилъ,
 Онъ къ нимъ жестокъ былъ, но едва ли
 Поймемъ мы—отчего былъ онъ
 Неистовъ такъ и озлобленъ.
 Недугъ-ли это? слѣдъ печали?
 Но онъ безумствовалъ тогда,
 Порывомъ гнѣва увлекался,
 И въ тѣ минуты иногда
 Его разумъ затемнялся,
 Но и въ безуміи самомъ
 Онъ поражалъ своимъ умомъ,

LXXXI.

Онъ доходилъ до вдохновенья
 И чуднымъ словомъ былъ великъ.
 Такъ древней Шифии языкъ
 Миръ доводитъ до разрушенья.
 А Франція! Среди оковъ,
 Давно ль въ пылу она лежала
 Подъ тиранією вѣковъ?
 Давно-ль подъ игомъ трепетала?
 Но вотъ Руссо заговорилъ,
 И искра пламенемъ раздулась,
 Возстали тѣни изъ могилъ
 И въ гнѣвъ Франція проснулась:
 Родной странѣ въ проводники
 Пошли Руссо ученики.

LXXXII.

Они-то памятникъ сложили,
 Изъ предразсудковъ долгихъ лѣтъ,
 Кулисы дряхлыя сломили—
 И много жи увидѣлъ свѣтъ.
 Но вмѣстѣ съ зломъ уничтожались
 Зачатки прежняго добра:

Одни развалины остались,
 Обломковъ пыльная гора.
 На нихъ опять такія жъ зданья
 Росли, какъ нѣкогда, изъ тьмы...
 Опять безправье, гнетъ тюрьмы
 И воскрешенное преданье,
 Опять цѣпей позорный звонъ,
 А честолюбецъ все силенъ.

LXXXIII.

Но долго-ль будетъ то терпимо?
 Ужь силы чувствуетъ въ себѣ
 Народъ. Пусть онъ неумоимо
 Дрался и тратилъ ихъ въ борьбѣ,
 Пусть вѣкъ прошелъ въ бесплодной вѣрѣ,
 Но обвинимъ ли мы народъ,
 Который тихо росъ въ пещерѣ
 И зналъ одинъ тяжелый гнетъ?
 Но если выростутъ орлята,
 Свободу съ дѣтства опѣня,
 На волѣ при сіяньи дня,
 Цѣпей не зная,—вотъ тогда-то
 Никто ужъ ихъ не закуетъ!..
 Не станемъ же винить народъ!

LXXXIV.

Слѣды глубокихъ ранъ на тѣлѣ
 Всегда останутся; сердца,
 Хотя бы скорбь мы скрыть хотѣли,
 Болятъ, терзаясь до конца.
 Кому надежды измѣнили
 И обманули—тѣ молчатъ,
 Но мечь въ груди своей таятъ.
 Настанетъ часъ—и въ новой силѣ
 Зажжется гнѣвъ ихъ... Судъ придетъ!
 Заплатить онъ за всѣ невзгоды!
 Такъ не печалься же народъ
 И жди: всегда приходятъ годы
 Разчета: не минуетъ насъ
 Награды или мщенья часъ.

LXXXV.

Ты, Леманъ, не похожъ ни мало
 На дикій свѣтъ, гдѣ я живу.
 Твое величье привлекало
 Меня къ себѣ. Я поплыву,
 Чтобъ убѣжать тоски безсонной,
 Чтобъ волю дать своимъ мечтамъ,
 На этой лодкѣ окрыленной
 По этимъ ласковымъ волнамъ.
 Любилъ я прежде моря ропотъ,
 Но ближе я къ твоей волнѣ,
 Въ ея журчаньѣ слышенъ мнѣ
 Какъ бы сестры любовный шопотъ,
 Которая журитъ меня,
 Что я печальнѣй день отъ дня.

LXXXVI.

Всплываетъ ночь. Туманъ прозрачный
 Подернулъ берегъ, выси горь...
 Одну Юру, какъ призракъ мрачный,
 Едва едва уловить взоръ.
 Чѣмъ ближе къ берегу по скатамъ
 Идешь, тѣмъ глуше тишина,
 Тѣмъ обаятельнѣй весна
 Съ ея цвѣтами, съ ароматомъ...
 Чу! вотъ до слуха долетѣлъ
 Звукъ по волнамъ скользившихъ весель...
 Кузнечикъ въ зелени запѣлъ
 И трели звонкія разбросилъ:
 Онъ предъ своимъ весеннимъ сномъ
 Прощался ночью съ яснымъ днемъ.

LXXXVII.

Пѣвецъ ночей!—сильна привычка,—
 Ты вѣчно юнъ и не молчишь...
 Порой, въ кустахъ засвищетъ птичка
 И вдругъ замолкнетъ. Всюду тишь!..
 Лишь чей-то шопотъ пролетаетъ,
 Но то обманъ полночныхъ грезъ...

На зелени росинки слезъ
 Благоухая проступаютъ,
 И землю влагою поятъ
 Росы серебряныя зерна,
 И ихъ цѣлебный ароматъ
 Земля глотаетъ благотворно
 И распускаетъ вновь цвѣты
 Въ сіяньѣ вешней красоты.

LXXXVIII.

О, звѣзды! вы цари эфира!
 У насъ у всѣхъ желанье есть
 Въ сверканьѣ звѣздъ судьбину міра,
 Народовъ будущность прочесть.
 И хочеть мысль необычайно
 Взлетѣть до вашей высоты,
 Вы—неразгаданная тайна!
 Вы—лучъ небесной красоты!
 И такъ васъ люди обожаютъ,
 Что власти, счастьемъ и уму,
 Всему высокому, всему
 Эмблемой васъ изображаютъ,
 И люди вѣрили всегда,
 Что есть у нихъ своя звѣзда.

LXXXIX.

Земля и небо молчаливы,
 Чуть дышать, но еще не спать;
 Такъ, затаивъ свой порывы,
 Глядимъ и мы. Они молчатъ,
 Какъ мы въ минуту размышленья...
 Все жизнью вѣтъ: группы горъ,
 Водъ убаюканныхъ просторъ...
 Ни одного нѣтъ дуновенья,
 Луча или лишняго листка,
 Гдѣ бъ жизнь природы не сказалась,
 Гдѣ съ стебля каждаго цвѣтка
 Одно бы имя не шепталось,
 Не повторялось безъ конца:
 То—имя Вѣчнаго Творца.

XC.

Насъ безпредѣльность обнимаетъ.
 Тутъ человекъ, хоть одинокъ,
 Но не *одимъ*; тутъ онъ встрѣчаетъ
 Ту истину, съ которой могъ
 Стать выше личнаго сознанья;
 То — звукъ, который уяснить
 Святую тайну мірозданья
 И наслажденіе дарить,
 И словно поясомъ Ситеры
 Насъ обнимаетъ красота....
 Предъ этимъ звукомъ смерть — и та
 Въ себѣ забыла бѣ злость Мегеры,
 И разлетѣлась бы, какъ дымъ,
 Обезоруженная имъ.

XCI.

Не даромъ персы воздвигали
 Алтарь для истины межъ скалъ,
 Но храмъ стѣнами не стѣсняли,
 Какъ человекъ потомъ стѣснятъ.
 Богамъ построивъ алтари тѣ,
 Безумцы! станьте и сравните
 Ничтожный рядъ своихъ божницъ
 И алтарей, склоненныхъ ницъ,
 Вотъ съ тѣми храмами природы,
 Гдѣ только воздухъ и гранитъ,
 Гдѣ опіама не стѣснить
 Ни арка душная, ни своды.
 О, вы, безумцы! Пусть же вамъ
 Урокомъ будетъ этотъ храмъ!

XСII.

Видъ ночи быстро измѣнился.
 Темно; гроза реветъ межъ горъ,
 И въ блескѣ молній отразился
 Горячій, пылкій, женскій взоръ.
 Вотъ по вершинамъ слышенъ грохотъ,
 Проснулась каждая гора.

Хохочетъ громъ; на этотъ хохотъ
 Слѣшитъ отклинуться Юра
 Подъ бѣлымъ облачнымъ покровомъ
 И, повторяя перекагъ,
 Отвѣтитъ Альпы ей слѣшать
 Подобнымъ откликомъ суровымъ,
 И все: долины, цѣпи горъ
 Вступили въ общій разговоръ.

XCIII.

И это ночью! Не дана ты
 Для сна, плѣнительная ночь!
 Позволь ловить твои раскаты,
 Съ тобою слиться!.. Сонъ мой, прочь!..
 Вотъ волны вспыхнули при блескѣ,
 Дождь крупный скачетъ по землѣ:
 А пѣсни горъ все такъ же рѣзки,
 Громъ разсыпается во мглѣ,
 Какъ гулъ неистоваго смѣха
 И пробѣгаетъ по холмамъ,
 То раздается здѣсь, то тамъ,
 И словно радуется эхо,
 Какъ будто бы оно съ высотъ
 Землетрясеніе ведетъ.

XCIV.

Межъ двухъ утесовъ Рона вьется.
 Какъ два любовника они,
 Поссорившись въ иные дни,
 Стоять, и имъ не доведется
 Цучину снова переплыть.
 Сердца ихъ, полны озлобленья,
 Умѣли вѣкогда любить,
 Но ихъ разбило оскорбленье,
 И разошлись они. Любовь
 Теперь ихъ больше не смущала,
 Не шевелила сердца вновь
 И лишь въ наследство завѣщала
 Бой съ одиночествомъ своимъ,
 Да рядъ холодныхъ, вѣчныхъ зимъ.

ХСV.

И такъ, гдѣ Рона пролагала
 Себѣ дорогу, въ мѣстѣ томъ
 Нерѣдко буря завывала
 И по утесамъ мчался громъ,
 Окрестность блескомъ заливая;
 И онъ сильнѣе грохоталъ,
 Изъ тучи стрѣлы рассыпая,
 Межъ двухъ разъединенныхъ скалъ.
 Являясь здѣсь, онъ понялъ словно,
 Что тѣ печальныя мѣста,
 Гдѣ жизнь смѣнила пустота,
 Онъ долженъ съечь теперь любовно,
 Слѣды прошедшаго стереть
 И стрѣлъ громовыхъ не жалѣть.

ХСVІ.

О, небо, рѣки и озѣра!
 Вы, молніи и бури скалъ!
 Васъ сердцемъ оцѣнилъ я скоро,
 Достойны вы, чтобъ я не спалъ,
 Внимая вамъ! Вашъ грохотъ странный,
 И эти бури въ вышинѣ
 Есть только откликъ постоянный
 Того, что не заснетъ во мнѣ.
 Куда жъ вы, бури, мчитесь? Или
 Вы тѣ же, что въ людской груди
 Живуть всегда? Иль вы открыли
 Себѣ пріюты, какъ орлы,
 Въ вѣнцѣ заоблачной скалы?

ХСVІІ.

О, еслибъ могъ я выдать звукомъ
 Все сокровенное во мнѣ,
 Дать выраженье думамъ, мукамъ,
 Всему, что есть въ душѣ, въ умѣ,
 Всѣмъ снамъ, сомнѣніямъ суровымъ;
 Всю силу знаній, страсти жаръ
 Могъ передать единымъ словомъ—

То былъ бы громовой ударъ.
 Но такъ какъ это лишь возможно
 Въ минутномъ снѣ—не на яву,
 То я умру, какъ и живу,
 Съ своими думами, ничтожно,
 И спрячу ихъ, забывши сны,
 Какъ бесполезный мечъ въ ножны.

XCVIII.

Вотъ снова утро наступаетъ
 И зарумянилось слегка;
 Его улыбка прогоняетъ
 Съ небесъ туманъ и облака.
 Въ немъ столько счастья и силы!
 Какъ будто на землѣ у насъ
 Ужъ не единой нѣтъ могилы.
 Но вотъ и день; приходитъ часъ
 Намъ всѣмъ въ дорогу собираться.
 О, Леманъ! можетъ быть, и мнѣ
 Ты дашь забвенье въ тишинѣ,
 Гдѣ бъ сталъ я молча удивляться
 Всему, что вижу предъ собой,
 Мирась съ злосчастною судьбой.

XCIX.

Кларансъ! Приютъ любви священной!
 Твой воздухъ ею напоенъ,
 Твой снѣгъ, на скалахъ неизмѣнный,
 Ея румянцемъ позлащенъ,
 И солнце розовыя краски
 Ему приносить съ высоты:
 На всемъ печать любовной ласки...
 Горъ неизмѣнные хребты
 Здѣсь о любви напоминаютъ:
 Сюда ушла она отъ бѣды,
 Отъ жгучей боли тяжкихъ лѣтъ,
 И на свободѣ отдыхаетъ,
 И ужъ не вѣдаетъ теперь
 Заботъ, сомнѣній и потерь.

С.

Кларансь! Ты прежде попирался
 Стопами тѣхъ безсмертныхъ ногъ!
 Тамъ, межъ утесовъ возвышался
 Богини тронъ, — и жилъ тамъ богъ.
 Есть жизнь и свѣтъ такой, который
 Ни въ чемъ нигдѣ претрады нѣтъ:
 Такъ былъ божественный тотъ слѣдъ
 Замѣтенъ всюду: по озёрамъ,
 По горнымъ высямъ, по лѣсамъ;
 Его дыханіе спускалось
 Въ душистымъ травамъ и цвѣтамъ,
 И въ немъ одномъ соединялось
 Благоуханье вѣжныхъ розъ
 И сила страшныхъ, вѣщихъ грозъ.

СІ.

Все говорить кругомъ о богѣ:
 Тамъ ель подъ тѣнью его мнѣнить,
 Склонились лозы на дорогѣ,
 Ручей серебряный шумитъ;
 Тамъ бога воды восхваляютъ,
 Боготворить его потокъ
 И струйки съ шепотомъ лобзаютъ
 Слѣды его безсмертныхъ ногъ.
 Тамъ лѣсъ съ столѣтними стволами,
 Но въ свѣжей зелени дремакъ
 И отдохнуть его онъ звалъ
 Подъ изумрудными вѣтвями,
 Гдѣ бъ возлежа, мѣсть тихъ богъ
 Былъ счастливъ, хотъ и одинокъ.

СІІ.

Тамъ пчелы, бабочки и птицы,
 Невинно крылья распустивъ,
 Поютъ ему, лишь лучъ денницы
 Озолотитъ приволье нивъ.
 Ихъ пѣснь — слаще самой славы...
 Тамъ звучно ронцать ведепадъ,

Шумятъ зеленыя дубравы;
 Тамъ почки алыя твердятъ
 О красотѣ природы вѣчной
 И славятъ чудную весну...
 Все составляетъ мысль одну
 Въ картинѣ этой безконечной,
 Одну гармонию чудесъ
 Земли цвѣтущей и небесъ.

СІІІ.

Кто не любилъ—тотъ здѣсь узнаеть,
 Что значить сильная любовь,
 А кто то чувство понимаетъ—
 Еще сильнѣй полюбить вновь.
 Да, здѣсь любовь нашла жилище,
 Забыла свѣта пустоту,
 Его волненья, суету
 И вновь, блистательнѣй и чище,
 Сюда явилась. Да, она
 Идетъ впередъ иль умираеть,
 Падеть на вѣки иль сильна,
 Блаженства жизни достигаетъ:
 Блаженство это я-бъ сравнить
 Съ однимъ безсмертіемъ свѣтилъ.

СІV.

Руссо не даромъ мѣсто это
 Всемъ, что любилъ онъ, населилъ;
 Для страстныхъ помысловъ поэта,
 Тотъ уголокъ не даромъ милъ.
 Его мечты, не успокоясь,
 Искали здѣсь свой идеаль,
 Здѣсь мѣсто, гдѣ Психей поясъ
 Амуръ съ любовью развязалъ;
 Здѣсь жизнь и ярче, и моложе,
 И улыбалась, и цвѣла;
 Здѣсь Рона для себя нашла
 Успокоительное ложе,
 И альпы—гордость тѣхъ сторонъ—
 Здѣсь для себя воздвигли тронъ.

CV.

Ферней и милая Дованна!
 Вы стали гордостью земли,
 Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ два титана
 Здѣсь звали славу и нашли *).
 Великіе то были люди!
 Сломивъ преданья — хламъ вѣковъ,
 Они прошлись по этой грудѣ,
 И каждый былъ изъ нихъ готовъ
 Идти на бой съ самой судьбою,
 Съ небесъ огонь и громъ созвать,
 Когда бы вызовъ тотъ принять
 Рѣшилось небо предъ борьбою
 И не смѣялось издали
 Надъ этой дерзостью земли.

CVI.

Одинъ изъ нихъ — непостоянень,
 Какъ вѣтеръ былъ, хоть былъ мудрецъ;
 То весель онъ, то дикъ и странень,
 Шалунъ, философъ и пѣвецъ,
 Протей таланта, онъ не мало
 Дивилъ людей, но больше ихъ
 Его насмѣшки острой жало.
 Всегда казнили въ шуткахъ злыхъ.
 Насмѣшки той — ужасна сила; —
 Онъ съ ней повсюду проникалъ
 И эпиграммой поражалъ
 То тупоумнаго зоиля,
 То убивалъ ей пошляка,
 То тронъ покачивалъ слегка.

CVII.

Другой — глубокъ, сосредоточень,
 Въ науку умъ свой погружалъ
 И, дѣломъ правды озабочень,
 Сарказмъ оружіемъ избралъ.

---

*) Вольтеръ и Гиббонъ.

Онъ — царь ироніи, и ею
 Казнилъ онъ пошлую идею,
 Дразнилъ враговъ, какъ гордый левъ,
 И росъ въ врагахъ безумный гнѣвъ;
 Они отъ страха трепетали,
 Предвидя близкій свой конецъ
 И муки ада, наконецъ,
 Ему въ грядущемъ назначали,
 Какъ будто тѣмъ отвѣтомъ онъ
 Могъ быть взволнованъ и смущенъ.

CVIII.

Миръ праху ихъ! мы не осудимъ
 Ошибокъ ихъ; они давно
 За нихъ отвѣтили. Не будемъ
 Судить ихъ дѣло: все равно —
 Наступитъ часъ, когда не станетъ
 Ужъ въ мірѣ тайны ни одной,
 Иль страхъ съ надеждой вмѣстѣ канетъ,
 Заснетъ подъ общей пеленой.
 Но мы тогда ужъ будемъ пылью,
 Мы станемъ тупо догнивать,
 Когда жъ воскреснемъ мы опять
 Всѣ по послѣднему усилью,
 То для того лишь, чтобъ страдать
 И прошлый грѣхъ свой искуплять.

CIX.

Но вновь я отъ людскихъ созданій
 Къ созданьямъ Бога перейду,
 И кончу рядъ моихъ мечтаній
 Ужъ очень длинныхъ....Я иду.
 Сбѣжались тучи къ альпамъ бѣлымъ,
 Но долженъ я ихъ разорвать,
 Чтобъ могъ еще я взоромъ смѣлымъ
 Съ горы весь край обозрѣвать;
 Чтобъ видѣлъ этотъ взоръ безсонный
 Съ вѣнца возвышенной скалы —
 Какъ въ поздній часъ полночной мглы
 Бесѣдуютъ съ землей влюбленной,

При шепотѣ воздушныхъ силъ,
Плеяды искривляясь свѣтитъ.

СХ.

Италія! Твоя арена
Стоитъ, въ вѣкахъ озарена,
И оживаетъ старина:
Тамъ были стѣны Карфагена,
Тамъ говорили мудрецы,
О нихъ молва съ двойною силой
Давно прошла во всѣ концы.
Была ты треномъ и могилой
Для государствъ. Тотъ быстрый вѣтеръ,
Что жажду знаній утоляетъ,
Все также веселье и могучь,
Съ холмовъ тѣхъ семки не сбываетъ,
Гдѣ и теперь несокрушимъ
Стоитъ великій, вѣчный Римъ.

СХІ.

Я далеко зашелъ въ поэтъ,
Пришелъ къ сознанію, что мы
На свѣтъ явились не тѣми,
Чѣмъ быть должны; что льдомъ зимы
Должны сковать души движенья,
Въ самихъ себѣ давить любовь,
Печали, радости, волненья,
Негодование, — все, что кровь
Мутитъ порою въ нашихъ жилахъ,
Безъ угованій впередъ
Должны сокрыть въ своей груди,
Какъ въ темныхъ, сумрачныхъ могилкахъ...
Шагъ сдѣланъ былъ — и мнѣ съ пути
Теперь нельзя уже сѣсти.

СХІІ.

А вы, стиховъ капризныхъ звуки,
Вы позволяли только мнѣ
Лишь простирать на встречу руки
Къ видѣнью чуждымъ въ тишинѣ,

За тѣмъ, чтобы свѣтлыми видѣнья
 И ихъ таинственная рѣчь,
 Хотя бы на одно мгновенье
 Могли тоску мою развлечьъ...
 Пусть слава юношей пѣвнуетъ,
 Мнѣ приговоромъ не была
 Людская брань иль похвала:
 Она меня не достигаетъ.
 Своихъ волненій властелинъ,
 Я въ мирѣ жилъ всегда одинъ.

СХІІІ.

Мнѣ свѣтъ чужой и чуждъ я свѣту.
 Его кумирамъ я не льстилъ,
 Колѣнъ предъ ними не сгибнулъ,
 Не улыбался по завѣту,
 Не гнулъ въ обществѣ въ кольцо
 И не умѣлъ быть общимъ эхомъ,
 Не оскорблялъ свое лицо
 Притворной радостью иль смѣхомъ.
 Въ толпѣ нерѣдко я бродилъ,
 Но постороннимъ гостемъ былъ,
 Иною думой пронизался...
 Такимъ бы я теперь остался,
 Когда-бъ души своей въ борьбѣ
 Не подчинилъ самой себѣ.

СХІV.

Мнѣ свѣтъ чужой и чуждъ я свѣту,
 Но все жъ хочу разстаться съ нимъ,
 Какъ добрый другъ. Не все жъ въ немъ — дымъ?
 Въ себѣ храню надежду эту,
 Что есть въ немъ славныя дѣла
 И добродѣтели движенія,
 Чго средь ликующаго зла
 Живетъ къ несчастнымъ сожалѣнье,
 Что есть въ немъ человека два,
 Которымъ скучно лицемѣрить,
 И въ нихъ не все одни слова...
 Хочу хоть разъ тому повѣрить,

Что возбуждаетъ слезы стонъ,
Что счастье на землѣ — не сонъ.

СХУ.

О, дочь моя! Тебѣ я, Ада,
Начало пѣсни посвятить
И тѣмъ же кончить пѣсню надо...
Тебя не вижу я, но былъ
Всегда проникнуть я тобою,
Ты — тѣнь моихъ грядущихъ дней...
И если навсегда судьбою
Я взять отъ дочери моей,
То голосъ мой, все съ той же силой,
Услышишь ты въ невинномъ снѣ;
Хотя бы смерть пришла ко мнѣ —
Любить я стану за могилой:
Услышишь ты привѣтъ отъда,
Хоть смерть коснулась бы лица.

СХVI.

Слѣдить, какъ пынно развиваешь,
Какъ развивается твой умъ,
Какъ ты робѣя въ свѣтъ вступаешь;
(Тебѣ такъ чуденъ свѣта шумъ!)
Ловить порывъ твоихъ движеній,
Лобзать румянецъ дѣтскихъ щекъ —
Мнѣ не дано тѣхъ наслажденій,
Я ихъ лишенъ, хотя бы могъ,
Передъ тобой благоговѣя,
Отдать тебѣ остатокъ дней,
Священной ласкою своей
Твое младенчество дѣлѣя.
Мнѣ эта доля не дана,
Но къ ней привязанность сильна.

СХVII.

О, если бы тебѣ велѣли
Къ отцу лишь ненависть питать —
Меня любила бъ ты! Скрывать
Мое бы имя захотѣли,

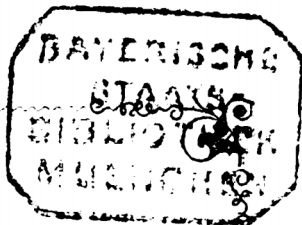
Какъ имя, стертое съ земли,
 Какъ вопль отчаянный изъ ада —
 Меня любила бы ты, Ада!
 И если-бъ даже погребли
 Меня въ могилѣ и старались
 Взять у тебя всю кровь отъа, —
 Напрасный трудъ! — ты-бъ до конца
 Меня любила, и, остались,
 Хотя бы мимо шедъ годъ,
 Въ тебѣ тѣ чувства навсегда.

СХVІІІ.

Дитя любви моей! Была ты
 Среди мученій вскормлена.
 Стихи наши — лишь утраты;
 Какъ я, ты ихъ нести должна,
 Тебя онъ же окружаютъ...
 Но твой ясные небосклонъ,
 Тебя дни счастья ожидаютъ:
 Пусть будетъ тихъ твой дѣтскій сонъ!
 И въ это самое мгновенье,
 Съ вершинъ, гдѣ я теперь брошу,
 Я за тобой въ мечтахъ слѣжу
 И шлю тебѣ благословенье,
 А ты привѣтами любви
 Меня сама благослови.

Дмитрій Минаевъ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ПѢСНИ.

МАЙ. 1864.

РУССКОЕ СЛОВО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ.

6 x 8 в.

СОДЕРЖАНІЕ

ОТДѢЛЪ I.

Прошедшее и будущее европейской цивилизации	Н. В. Шелгуновъ.
Чайльдъ-Гарольдъ. (Поэма Байрона. Пѣснь третья)	Д. Д. Минаевъ.
Виновата-ли она? (Романъ Ант. Троллопа).	
Последнее стихотвореніе Андрея Шенье	Ө. А. Орловъ.
Дивановъ. (Записки семинариста. Продолженіе)	Н. Осокинъ.
Прогрессъ въ мірѣ животныхъ и растений. (Статья вторая)	Д. И. Писаревъ.
Голосъ изъ Сербіи	Ракинъ.
Денисъ Дюваль. (Романъ Теккерея. Продолженіе).	

1264,5

См. на оборотъ.

55 9